

УДК 811.161.3'04'42

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ОКРУЖНЫЕ ПОСЛАНИЯ XVI–XVII вв.: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются формуляр и языковые особенности десяти старобелорусских окружных посланий пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Uniata* XVI–XVII вв. Определяются обязательные и необязательные элементы формуляра, с учетом диахронических изменений описываются способы их вербализации, показываются явления взаимодействия дискурсов в рамках текста. Устанавливаются черты, которые были унаследованы от древнерусских посланий, сохранявшиеся неизменными на протяжении выбранного периода, и новые характеристики, отражающие языковые контакты. Выявляется, что большинство посланий написаны на полонизированном в разной степени старобелорусском языке с инфильтрацией церковнославянских элементов. Три текста представителей *Slavia Orthodoxa* конца XVI в. написаны на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке со значительным преобладанием разноуровневых церковнославянских средств. Таким образом, эпистолярный рассматривается как сфера сохранения коммуникаций на церковнославянском языке в ВКЛ.

Ключевые слова: окружное послание; старобелорусский язык; церковнославянский язык; среднепольский язык; формуляр; текстовая формула; языковая основа текста.

СТАРАБЕЛАРУСКІЯ АКРУЖНЫЯ ПАСЛАННІ XVI–XVII стст.: ЭВАЛЮЦЫЯ ЦАРКОЎНА-РЭЛІГІЙНЫХ ЭПІСТАЛЯРНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даследуюцца фармуляр і моўныя асаблівасці дзесяці старабеларускіх акружных пасланняў прастор *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Uniata* XVI–XVII стст. Вызначаюцца абавязковыя і неабавязковыя элементы фармуляра. З улікам дыяхранічных змен апісваюцца спосабы іх вербалізацыі, паказваюцца з’явы ўзаемадзеяння дыскурсаў у рамках тэксту. Выяўляюцца рысы, якія былі атрыманы ў спадчыну ад старажытнарускіх пасланняў і заставаліся нязменнымі на працягу выбранага перыяду, і новыя характарыстыкі, якія адлюстроўваюць моўныя кантакты. Вызначаецца, што большасць пасланняў напісаны на паланізаванай у рознай ступені старабеларускай мове з інфільтрацыяй царкоўнаславянскіх элементаў. Тры тэксты прадстаўнікоў *Slavia Orthodoxa* канца XVI ст. напісаны на гібрыднай царкоўнаславянска-старабеларускай мове са значнай перавагай рознаўзроўневых царкоўнаславянскіх сродкаў. Такім чынам, эпісталярны разглядаецца як сфера захавання камунікацый на царкоўнаславянскай мове ў ВКЛ.

Ключавыя словы: акружнае пасланне; старабеларуская мова; царкоўнаславянская мова; сярэдняпольская мова; фармуляр; тэкставая формула; моўная аснова тэксту.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. Старобелорусские окружные послания XVI–XVII вв.: эволюция церковно-религиозных эпистолярных коммуникаций. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2026;1:66–77.
EDN: BDWUVZ

For citation:

Zuyeva OV. Old Belarusian encyclicals of the 16th–17th centuries: evolution of church religious epistolary communications. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2026;1:66–77. Russian.
EDN: BDWUVZ

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Olga V. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

OLD BELARUSIAN ENCYCLICALS OF THE 16th–17th CENTURIES: EVOLUTION OF CHURCH RELIGIOUS EPISTOLARY COMMUNICATIONS

O. V. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the formula and linguistic features of ten Old Belarusian encyclicals from the spaces of *Slavia Orthodoxa* and *Slavia Uniata* of the 16th–17th centuries. Obligatory and optional elements of the formula are identified, means of their verbalisation are described, taking into account diachronic changes, phenomena of discourse interaction within the text are demonstrated. Features inherited from Old Russian letters and unchanged throughout the selected period, as well as new features reflecting language contacts, are identified. It is revealed that the majority of letters were written in Old Belarusian with varying degrees of polonisation and with the infiltration of Church Slavonic elements. Three texts by representatives of *Slavia Orthodoxa* from the late 16th century were written in a hybrid Church Slavonic – Old Belarusian language with a significant predominance of Church Slavonic means at different levels. Thus, epistolary writing serves as a sphere for preserving communications in Church Slavonic in the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: encyclicals; Old Belarusian language; Church Slavonic language; Middle Polish language; forma; text formula; linguistic basis of the text.

Введение

Послания лиц духовного звания по значимым вопросам церковной деятельности и соблюдения канонов вероучения, а также по текущим служебным делам, обращенные к широкому коллективному адресату, представляют собой одну из разновидностей официальной корреспонденции в сфере церковно-религиозных коммуникаций восточнославянской части пространства *Slavia Orthodoxa* (в Великом княжестве Литовском после 1596 г. пространства *Slavia Uniata*) периодов Средневековья и раннего Нового времени. Адресатом этих посланий выступают или только представители духовенства, или духовенство и миряне. Адресат не ограничен определенной территорией: *всімъ православнымъ христіянамъ нашего закону Греческаго*¹; *всімъ православнымъ христіаномъ, послушнымъ Божей Восточной каволической церкви, отъ вышшого стану и до нижшого*² (цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – О. З.). В письменных источниках такие тексты обозначаются как *окрыжные послания* или *окрыжные грамоты* (далее используется первый термин).

Объектом данного исследования является организация формуляра и языковая основа старобелорусских окрыжных посланий XVI–XVII вв. Цель исследования состоит в установлении диахронических изменений в способах вербализации элементов формуляра старобелорусских окрыжных посланий XVI–XVII вв. и особенностях представленного в них языка. Формуляр рассматривается как составляющая коммуникативной организации эпистолярного текста, обусловленная характером соотношения коммуникативных (ситуативных) и социальных (постоянных) ролей адресанта и адресата и интенциональным параметром. Языковая основа, т. е. преобладание в тексте ресурсов того или иного языка, отражает выбор автором соответствующего письменного регистра. Исследование позволяет проследить на выбранном материале, в каком направлении развивалась традиция официальных эпистолярных коммуникаций в церковно-религиозной сфере на землях ВКЛ. Кроме того, официальная корреспонденция духовных лиц – информативный источник для изучения вопроса о месте и роли церковнославянского и польского языков в истории белорусской письменной культуры, а также вопроса о регистровой стратификации старобелорусской письменности.

Анализ материала проводился с опорой на труды, посвященные описанию формуляра и коммуникативной структуры эпистолярных и актовых источников, взаимодействию в них светского и церковно-религиозного дискурсов [1–9], изучению взаимодействия языков в памятниках старобелорусской письменности [10–17], исследованию проблемы типологии письменно-литературных языков и квалификации языковой ситуации на землях ВКЛ [18–21; 22, с. 259–269; 23; 24; 25, с. 386–408].

При проведении исследования применялись формулярный анализ (анализ содержательной структуры текста), контекстуальный анализ, стилистический анализ, а также сравнительно-сопоставительный и количественный методы.

¹Окрыжное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 18.

²Окрыжная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

Обращение к официальной корреспонденции актуализирует вопрос о степени дифференцированности двух типов письменных источников, эпистолярных и актовых, имеющих обширную «зону пересечения». Изучая западноевропейские средневековые источники, М. Камарго пишет: «Средневековые писатели классифицировали гораздо более широкий круг сочинений как эпистолярные, чем обычно принято сегодня. И хотя *dictatores* (учителя искусства составления писем. – О. З.) часто отличали различные типы документов от “посланий”... было ясно, что по форме и функциям эти публичные инструменты были больше похожи, чем непохожи на послания. <...> Учитывая квазипубличный характер всех средневековых писем, различие между личной и официальной корреспонденцией, особенно когда она велась профессиональными функционерами, обученными *ars dictaminis* (искусству составления писем. – О. З.), было в любом случае крайне расплывчатым» [26, р. 18]. Это высказывание касается и письменных коммуникаций в восточнославянских государствах анализируемого периода. Образцы посланий от церковных иерархов и к церковным иерархам включались в письмовники, и напротив, в русском официальном митрополичьем формулярнике начала 1720-х гг. представлены учительные и даже частные светские послания (РФА, с. 71–76). Корреспонденция носителя власти приобретала статус облигаторной. Даже если в тексте не было санкции, в нем не пропадали композиционные и стилистические черты письма. На этих основаниях мы рассматриваем официальные послания как разновидность эпистолярных коммуникаций.

Источниками материала в исследовании стали публикации оригиналов и современных оригиналам копий окружных посланий. Они не являются лингвистическими изданиями, но в них передаются грамматические и лексические особенности текстов. В работе проанализированы 10 посланий 1547–1634 гг. Семь посланий православных и униатских митрополитов и одно послание патриаршего экзарха определены публикаторами как окружное послание или окружная грамота. Послание митрополита Михаила Рагозы³ не обозначено как окружное, однако мы относим его к таковым в силу организации его формуляра, адресации, содержания, авторской интенции. К упомянутым текстам примыкает окружное послание светского лица – магната Константина Острожского, в условиях подготовки к унии выполнявшего миссию публичного охранителя православия и создавшего эпистолярное сочинение, адресованное *такъ духовнымъ, яко и свѣцкимъ правовѣрнымъ хрестіаномъ*⁴. Письма фиксируют разные интенции: призыв помочь православному братству пожертвованиями, информирование о церковных съездах и об определении митрополичьего наместника, самооправдание и убеждение, повествование о преставлении знаменитого церковного деятеля, призыв к единомышленникам объединиться в религиозном противостоянии. В окружных посланиях дидактический элемент сочетается с деловым, отдельные тексты тяготеют к одному из полюсов.

Описываемые тексты сопоставлялись со старорусскими окружными посланиями XV в. (РИБ-6, № 39, стб. 315–356; РИБ-6, № 59, стб. 497–500; РФА, № 51, с. 193–196; РФА, № 98, с. 312–313; РФА, № 106, с. 335–337; РФА, № 114, с. 371–380) и XVI–XVII вв. (ААЭ, т. 1, № 213, с. 203–204; ААЭ, т. 2, № 1, с. 1–6; АИ, т. 1, № 300, с. 545–546; Даниил, № 9, с. 453–463; ААЭ, т. 3, № 169, с. 247–248; АИ, т. 4, № 62, с. 172–177; ААЭ, т. 2, с. 333–334). В середине XV в. произошло разделение Киевской митрополии на две части. С этого времени можно говорить о двух «пространствах» церковных коммуникаций, существующих в двух государствах. Послания православных митрополитов, написанные до разделения единой митрополии, выступают частью письменных коммуникаций ВКЛ (АИ, т. 1, № 19, с. 27; АИ, т. 1, № 63, с. 112; АИ, т. 1, № 64, с. 114)⁵, но они не являются старобелорусскими письменными памятниками, поскольку были созданы на землях другого государства.

Как сказано выше, определение *окружное* дается анализируемым посланиям публикаторами текстов. Древнерусскому языку известны прилагательные *окоуѣнии* ‘относящийся к области, епархии’, *окоуѣнии* ‘то же, что *окоуѣнии*’ (СлДрЯ XI–XIV, т. 6, с. 114–115) и устойчивое выражение церковнославянского происхождения *окоуѣнее послание* (*ѣтго архієпископа... и ѣтго събора иже съ нимъ. окоуѣнїє посланїє. къ всѣмъ прѣподобнымъ митрополитомъ. (ѣукѣ/κλιος)*) *КЕ XII, 13а* (СлДрЯ XI–XIV, т. 6, с. 114)) ‘послание, рассылаемое по всем значительным церквям о деятельности и постановлениях соборов’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 348). В ГСБМ названные прилагательные и выражение не фиксируются: слово *окружный* имеет разное значение в старобелорусском (ГСБМ, вып. 22, с. 168) и старорусском (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 349–350) языках. В ВКЛ сами отправители окружных посланий называли свои тексты *листь*⁶. При описании в этих посланиях процесса эпистолярных коммуникаций по отношению к другим текстам упоминаются жанры *писанье* и *отпись*.

³Послания Михаила Рагозы, выходца из белорусской шляхты, рассматриваются нами как памятники старобелорусской письменности, даже если отдельный текст создан не на белорусских землях во время служебных поездок митрополита. Послания митрополита, работа его канцелярии и писарей рассматриваются в работах [27; 28].

⁴Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

⁵О документах и корреспонденции митрополита Ионы см. работу [13, с. 98–128]

⁶Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 123 ; Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 263.

Древнерусская традиция обращений к коллективному адресату, связанная с практикой церковного управления, восходит к византийской. Далее эта традиция развивается в двух государствах. Константинопольские патриархи присылали официальные послания на земли ВКЛ, и эти послания были «вершиной» в пирамиде дальнейших официальных коммуникаций (АЗР, т. 3, № 157, с. 301–302; АЗР, т. 4, № 22, с. 29–30; Monumenta, № 71, с. 94–97 и др.). Конечно, не все официальные послания, в том числе окружные, митрополитов и иных духовных авторитетов инициировались свыше.

В изданиях старобелорусских и старорусских посланий не всегда присутствует единообразие в определении жанра. Сравним, как называют разные публикаторы один и тот же текст и как этот текст обозначен в рукописи, по которой он издается.

Послание митрополита Ионы литовским епископам (1458–1459) определяется как *окружное послание* (РИБ-6, № 81, стб. 619; АИ, т. 1, № 63, с. 112), *послание* (РФА, № 51, с. 193). Послание архиепископа Феодосия духовенству (1458) определяется как *окружная грамота* (РИБ-6, № 125, стб. 873; АИ, т. 1, № 64, с. 114), *окружное послание* (РФА, № 106, с. 335); *поучение, грамота* (РФА, № 106, с. 337). Послание митрополита Михаила Рагозы (1592) определяется как *окружное послание* (АЗР, т. 4, № 32, с. 42); *litera* ‘письмо’ (в тексте используется форма винительного падежа *literam*); *лист на милостыню*⁷.

Известны послания духовных лиц к коллективному адресату поздней древнерусской эпохи (АИ, т. 1, № 1, с. 1–2; АИ, т. 1, № 3, с. 3–4; АИ, т. 1, № 4, с. 5–7 и др.), не обозначенные при публикации как окружные, так как адресат «территориально ограничен». Композиционно и стилистически они в целом не отличаются от тех посланий, которые именуются в публикациях памятников как окружные.

Результаты и их обсуждение

Структура и вербализация формуляра. Формуляр проанализированных окружных посланий включает презентацию коммуникантов и приветствие, семантему с маркированием перехода к ней, прощание, указание места и даты составления текста (обычная структура официального послания духовного лица, ср.: [29, с. 232]). В семи посланиях сохранен экстратекст – подпись адресанта, в трех посланиях митрополита Михаила Рагозы указан писарь.

Приветствие вербализуется несколькими типами формул:

- благословение (кого кому) – молитва: *Благословеніе... молитва наша къ милостивому Богу за всѣхъ вашей милости, дѣтей нашихъ, здравіе всегда*⁸. Приветствие-благословение с таким расположением компонентов является «классическим» для различных видов посланий церковных иерархов;
- указание адресанта и адресата (кто кому) – молитвенное благопожелание: *...ласка вамъ и покой и милость отъ Бога всемогущого и пана нашего Исусъ-Христа*⁹. Такой тип приветствия является основным в окружных посланиях митрополита Михаила Рагозы;
- указание адресата (кому) – молитвенное благопожелание: *...благодать Господа нашего Исуса Христа, и любы Бога Отца, и причастіе Святого Духа буди со всеми вами, аминь*¹⁰. Нестандартное употребление слова *аминь* в зачине задает тон дальнейшему агитационному тексту;
- указание адресанта и адресата (кто кому) – фраза «О Господѣ радоватися»: *...здравствующе о Господѣ радоватися*¹¹;
- указание адресанта (кто): *Михаил милостію божією архиепископъ митрополит киевский и галицкий и всея Росія*¹². Это единственное послание в корпусе без указания адресата. Перед текстом стоит графический знак инвокации – аналог крестного знамения. Такой зачин характерен для распорядительной или информирующей грамоты-документа, но в семантеме этого текста не распоряжение, а просьба: *И просимо всѣхъ вас...*¹³;
- обращение к адресату: *Честные отцеве и братия въ Христе возлюбленная!*¹⁴. Оно встречается в единственном послании, самом позднем в корпусе.

⁷Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 329.

⁸Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 18–19.

⁹Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

¹⁰Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козмения литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 313.

¹¹Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 99–100.

¹²Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

¹³Там же.

¹⁴Окружное послание униатского митрополита Велямина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 62.

Способы обозначения адресанта и адресата требуют специального анализа в рамках исторической дискурсологии и исторической стилистики, поэтому в данном исследовании не рассматриваются.

Если в послании приводится указание адресанта, то оно всегда находится в препозиции относительно указания адресата. В семи текстах, включая послание Константина Острожского, приветствие имеет форму именительного падежа, подчеркивающую высокий ранг адресанта¹⁵. Все типы приветствий, сам набор молитвенных благопожеланий-формул и сопровождающих их постоянных компонентов-распространителей унаследованы из древнерусской эпохи. Благословение и молитва оформляются либо эллиптическими предложениями, либо полными предложениями с предикатами *да есть*, *буди*. Новым в старобелорусских посланиях является польское лексическое влияние на формулы: *ласка*, а не *благодарить*; *пана нашего Иисусь-Христа*, а не *Господа нашего Иисуса Христа*. Обращение в начале письма, как в послании митрополита Иосифа Рутского (форма *отцеве* образовалась под влиянием среднепольского языка), типично для старобелорусских писем светских и духовных лиц частного-делового и официального характера с первой половины – середины XVI в., но не для анализируемой разновидности официальных посланий, хотя прямые обращения к адресату в древнерусских посланиях могли или открывать текст, или следовать сразу после обозначения адресанта, выраженного формой именительного падежа (РИБ-6, № 3, стб. 63; РИБ-6, № 5, стб. 79 и др.). Обращением открывается старорусское окружное послание митрополита Даниила 1539 г. (Даниил, с. 453).

Переход к семанте в четырех текстах маркируется формулами деловой речи, включающими глагольные несвободные сочетания с компонентом *въдати* или *въдомо* и отражающими служебный характер отправления окружных посланий: *Даемъ вашей милости въдати, штожъ...*¹⁶; *Въдомо творим вашему благочестию, понеже...*¹⁷; *Въдомо чинимо, ижъ...*¹⁸ и др. Они являются старыми деловыми клише. По наблюдениям О. Н. Геращенко, со второй половины XVI в. эти формулы в «русских» документах ВКЛ начинают употребляться реже, так как частотность аналогичных формул в языке польского делопроизводства также снижается [30, с. 36]. В окружных церковных посланиях XV в. такие выражения используются достаточно активно: *Весте, еже...* (РИБ-6, № 59, стб. 498); *Въдомо тобъ, моему сыну, что...* (РФА, № 24, с. 137) и др. Ни в одном из отобранных шести старорусских окружных посланий XVI–XVII в. формулы не представлены: в них либо сразу излагается суть дела, либо приводится смысловой блок «мотивация своего письма». Оцениваем это обстоятельство как случайность выборки.

В посланиях православного патриаршего экзарха протопopa Нестора Козменича и униатского митрополита Иосифа Рутского используется формула, пришедшая из чешских грамот и поддержанная позже польскими документами [30, с. 35–36]: *Ознаймую вашимъ милостямъ, ижъ...*¹⁹; *Ознаймую честности и любви вашей, ижъ...*²⁰. К XVII в. она стала частью официального дискурса в том числе в церковно-религиозной сфере. В послании митрополита Михаила Рагозы, имеющем неэпистолярный зачин, переход к семанте также маркируется иной формулой, характерной для документа, с искаженным дательным самостоятельным: *Смирение наше будучи намъ телесне zde во градъ Львовъ...*²¹. В документах митрополита этот переход осуществляется иначе (АЗР, т. 4, № 22, с. 30; Monumenta, № 170, р. 269 и др.).

¹⁵Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329; Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Ibid. P. 329; Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116; Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // Там же. С. 122–123; Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137; Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 262–263; Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 99–104.

¹⁶Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

¹⁷Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 329.

¹⁸Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

¹⁹Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопopa Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 313.

²⁰Окружное послание униатского митрополита Велиамина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 62.

²¹Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

«Собственно эпистолярные» элементы формуляра, не являющиеся общими с формуляром актовых памятников, представлены ограниченно. В одном послании в заключительной части семантемы представлен смысловой блок «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении» с подтемой «Призыв к адресату писать адресанту» (*И то донесиши честности вашей, о отпись прошу и въдомость, абы-мъ по частяхъ грядущихъ Господу Богу и самимъ вамъ винень въ чомъ не зоставаль*²²). В формуле фигурирует обозначение эпистолярного текста *отпись*, используемое в старобелорусской деловой речи с 1440-х гг. Также в единственном письме в заключительной части семантемы представлен смысловой блок «Комментарий по поводу собственного письма» с подтемой «Мотивация собственного письма» (*А для лѣпшоу въры, сесь листъ нашъ рукою нашою подписавши, подъ печатью нашою, для въдости всихъ которымъ належитъ, до рукъ его отсылаемъ*²³) с деловой формулой польского происхождения. В послании Константина Острожского имплицитно присутствует мотив краткости (автор пишет о единой истинной вере после рассказа о ее происхождении): *о нейже немощно есть въ семь листъ выобразити, но болше въ Писанью о семь ваша милость доволно обряцете*²⁴.

Содержание формул прощания на протяжении десятилетий не меняется: оно представляет собой молитвенное благопожелание, обычное для разных посланий духовных лиц, не только рассматриваемой разновидности. Наблюдается изменение формул: рядом со славянизированным типом устойчивого высказывания с предикатом *да будет (да есть)* появляется полонизированный тип (фактически это пересказ первого типа) с предикатом – грамматической калькой «*нехай + презентная форма глагола*». Два этих типа сосуществуют: *Съ тымъ милость Божая и пречистыя его Богоматере нехай будетъ всегда со всеми вами*²⁵; *Съ тымъ милость Божая и благословеніе смиренія нашего да будетъ со всеми вами*²⁶. Традиционные церковнославянские формулы, унаследованные от старейшей поры, все же преобладают. Эллиптические предложения, в отличие от формул приветствия, в них не используются. В старорусских окружных посланиях XVI – середины XVII в. молитвенное благопожелание выступало основным видом прощания, в котором чаще использовались высказывания без эллипсиса.

В двух анализируемых текстах прощания нет. Так, послание митрополита Михаила Рагозы 1592 г. заканчивается евангельской цитатой (*Будите щедри якоже и отецъ вашъ небесный щедръ есть*²⁷), послание митрополита Иосифа Руткого 1634 г. завершает ряд поручений: просьба молиться за душу почившего Мелетия Смотрицкого, распространить *листъ монастыра Бытѣйскаго*, перевести его на латинский язык и донести до *тыхъ, до ведомости которыхъ належитъ*²⁸. Эта же формула применяется в окружном послании Ипатия Потя 1608 г.

Иные прощания, также основанные на формулах церковно-религиозного дискурса, использованы в послании протопопа Нестора Козмения (*Прочее, радуйтесь о Господъ и просвѣщени будьте во истинный разумъ его, аминь*²⁹), в котором аккламация создает своеобразную риторическую рамку этого текста, и послании Константина Острожского (*...всею силою держимося, прилежно молящися ему, яко да не попуститъ намъ выше силы нашея искустися... и сподобитъ насъ подвигомъ добрымъ подвизатися, течение скончати, въру неврѣдимо съблюсти, и въчныхъ благъ наслѣдниками быти. Аминь*³⁰), в котором рассуждение о том, какими являются истинные *правовѣрныи*, переходит в молитву. Аккламация *аминь* употребляется только в двух посланиях, направленных на защиту православия от унии (во всех проанализированных старорусских окружных посланиях XVI–XVII вв. она присутствует).

Место и дата создания текстов реализуют обычно средний вариант (по степени пространности [30, с. 43]) формул: *Писанъ въ Новѣгородку, подъ лѣто Божія нароженія 1547, мѣсяца Марта 6 дне, индикта 5*³¹;

²²Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 123.

²³Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // Там же. С. 263.

²⁴Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 102.

²⁵Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137.

²⁶Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // Там же. С. 263.

²⁷Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 330.

²⁸Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 263.

²⁹Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козмения литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 314.

³⁰Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 103–104.

³¹Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

*Писанъ въ Заблудовью, Генваря 4 дня, року 1609*³². Также используется короткий вариант, в котором указывается только дата: *Януарія 16, року 1634*³³. Аналогичное указание времени и даты характерно для старорусских окружных посланий XVI–XVII вв. В послании 1547 г. митрополита Макария II, в отличие от более поздних текстов, летоисчисление приводится в индиктах. В послании митрополита Ипатия Потее употреблена формула вида *данъ зъ*, а не *писанъ въ*, хотя первая распространена в корреспонденции конца XVII в.

В трех посланиях 1590–1600-х гг. при указании года употреблено слова *лѣто* ‘год’. В данном элементе формуляра в это время уже происходит распространение слова *рокъ*. По нашим наблюдениям, в корпусе других (не окружных) посланий митрополита Михаила Рагозы (23 текста) 16 раз употребляется слово *року*, 5 раз слово *лѣта*, однако в старобелорусской дипломатической переписке с Русским царством этого же периода абсолютно преобладает формула со словом *лѣто*. Слово *лѣто* в конце XVI в. воспринимается как книжное, что отражено в «Лексиконе» Памвы Беринды (*Лѣто: время, рокъ, часъ, годъ, годище* (ГСБМ, вып. 7, с. 23)). Возможно, оно употребляется в окружных посланиях для поддержания «книжного» стиля. Надежные основания для этого предположения дают написанные на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке послание митрополита Михаила Рагозы о доставлении пособий львовскому братству (*Писан в лѣто от рождества господа нашего Исуса Христа ѿфчв (1592) ве Львовѣ, мѣсяца генуарія двадцатого дня*³⁴) и послание Константина Острожского (*Въ лѣто отъ созданія міра седмыя тысящи 104, а отъ по плоти Рождества Христова тысяща 595-е, мѣсяца Іюня 24 дня написася*³⁵). «Книжность» обоих контекстов поддерживается редкой для старобелорусской корреспонденции номинацией *рождество* с сочетанием *жд*. В послании Константина Острожского форма пассивного залога «пересказывается» архаичной формой аориста: *писано > написася*.

В публикации семи посланий присутствует такой элемент экстратекста, как подпись. В рассматриваемых текстах можно встретить три варианта формулы подписи: широкий (*Волею Божією Макарій, архієпископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси*³⁶), средний (*Ипатей архієпископъ, властною рукою*³⁷) и краткий (*Михайлъ митрополитъ*³⁸; *рукою власною*³⁹). Протопоп Нестор Козменич предпочитает прилагательному-полонизму *власною* местоимение *своею*: *в[ашей] м[илости] поволный братъ Несторъ, екзарха митрополиі Кіевскоѣ, протопопъ Подляшскій, рукою своею*⁴⁰.

В экстратексте трех посланий митрополита Михаила Рагозы сохранилось указание писаря. Широкая форма указания выглядит следующим образом: *Григоріе протонотаріе митрополиі кіевскоѣ рукою власною*⁴¹. Сокращенная формула предполагает упоминание имени и должности: *Іванъ Миничъ, писарь*⁴². Таким же образом указывается писарь в митрополичьих документах.

Взаимодействие дискурсов в окружных посланиях. О том, что окружные послания находятся на границе эпистолярных и актовых источников, было сказано выше. Окружные послания относятся к официальной корреспонденции. Для них характерны соответствующие формуляр (минимальный), обращенность «сверху вниз» или «к равным», способы презентации адресанта и адресата, а также взаиморасположение соответствующих номинаций. Окружные послания содержат элементы пастырского воодушевляющего учительного эпистолярия (послание Константина Острожского) и письма – духовной беседы (послание митрополита Иосифа (Иосифа Вельямина) Рутского).

³²Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 314.

³³Окружное послание униатского митрополита Велиамина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 70.

³⁴Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

³⁵Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 104.

³⁶Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

³⁷Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 263.

³⁸Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

³⁹Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // Там же. С. 123.

⁴⁰Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 314.

⁴¹Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 330 ; 1595 октября 28. Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 123.

⁴²Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137.

Одно послание митрополита Михаила Рагозы имеет формуляр, совмещающий свойства письма и не-эпистолярного документа⁴³. Однако в нем нет распоряжения или санкции. В послании присутствует просьба к адресату, оно характеризуется риторической обработанностью и отличается учительным началом (в этом тексте содержится знаменитое противопоставление *словенского росийского нашего языка, или съвершеннаго грамматическаго словенского языка простому несъвершенному лядскому писанию*⁴⁴ [17, с. 13; 25, с. 393]).

Языковая основа текстов окружных посланий. Прокомментируем используемую далее терминологию: мы употребляем лингвоним *старобелорусский язык* в том же значении, в котором употребляются лингвонимы *простая мова* и *руськая мова*, т. е. обозначаем им язык письменных текстов, созданных на территории ВКЛ, подчеркивая в данном случае территориальную принадлежность текстов и происхождение авторов посланий.

Вопрос о языковой основе анализируемых текстов находится в непосредственной связи с вопросом регистровой стратификации разноречивой письменности ВКЛ, создававшейся в ситуации «пестроты лингво-литературного спектра» и дававшей примеры различных манифестаций литературного языка [24, с. 61–62] (литература на эту тему обширна, критический анализ подходов проведен в работах [19; 21]). Окружные послания середины XVI – XVII в. принадлежат к кириллической письменности, бытовавшей в среде, для коммуникаций в границах которой реконструируется письменно-литературное двуязычие [23, с. 93; 24, с. 60; 25, с. 387–388, 392–404]. Ситуации двуязычия не противоречили «смешанные» гетерогенные тексты, объединявшие не только исконные ресурсы старобелорусского и церковнославянского языков, но и полонизмы разной степени адаптации, так как последние «принимались» старобелорусской письменностью и осваивались ею. Средства разного происхождения в гетерогенных текстах представлены многочисленными примерами, а не отдельными вкраплениями. В эпистолярных текстах они присутствуют в разных их частях, а не только в составе традиционных элементов формуляра.

Гетерогенные тексты представляют наибольшую исследовательскую сложность, если ставится вопрос об их языковой основе. А. И. Журавский в программной статье «О разграничении белорусских и церковнославянских памятников» (1972) предложил методику анализа церковнославяно-старобелорусских текстов с опорой на пять диагностирующих признаков [11]. Четкие критерии, названные ученым, тем не менее оставляют вопрос об иерархичности признаков и значимости фактора контекста употребления той или иной формы. Выявление фактической языковой основы гетерогенных среднепольско-старобелорусских кириллических памятников является сложным в связи с неоднозначностью оснований квалификации многих западно-, восточно- или общеславянских грамматических единиц и явлений.

В отношении гетерогенных старобелорусских памятников применим подход, разработанный для старорусского материала. По Живову, «...самый вопрос... о языковой основе соответствующих текстов – традиционно книжной или народно-разговорной – оказывается лишен всякого содержания. И та, и другая основа может быть выделена в качестве частного момента, но лишь их совокупность и взаимодействие обеспечивают функционирование данной разновидности» [31, с. 35]. Соответствующий регистр письменности назван гибридным. На постулат В. М. Живова целесообразно опираться при описании разновидностей письменно-литературного языка кириллических памятников ВКЛ, при этом он не снимает актуальности поуровневого описания языка гетерогенных текстов, если цель исследования – установить, какие именно конкретные маркированные средства были более востребованы в тех или иных типах текстов и коммуникативных ситуациях.

Среди проанализированных окружных посланий семь текстов написаны на старобелорусском языке с разной степенью среднепольского влияния и разной степенью представленности церковнославянизмов, употребление которых имеет традиционный характер (зачин-благословение, библейские цитаты, прощание – молитвенное благопожелание, устойчивые выражения при обозначении лиц духовного звания). Рассмотрим в качестве примера языковые особенности послания митрополита Макария II, наиболее раннего из анализируемых посланий, призывающего помочь львовскому братству. В основе текста лежит деловой старобелорусский язык. Церковнославянские (и архаичные древнерусские, имеющие в середине XVI в. статус книжных) лексические и грамматические средства в нем присутствуют в устойчивых выражениях и цитатах. Лексико-фонетические церковнославянизмы предсказуемо связаны

⁴³Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329.

⁴⁴Ibid. P. 328.

с церковно-религиозной лексикой (исключение – слово *здравіе* в зачине). Восточнославянские средства проникают в устойчивое выражение и цитату: постоянный эпитет *Прѣчистогъ употребляетсѧ* четыре раза с окончанием *-огъ*; ...и паки: «*хто коли ко хвалѣ Божіей строитъ земная...*»⁴⁵. В этом послании встречаются преимущественно лексические полонизмы: социальная терминология, обозначения адресата в зачине, специальная и общеупотребительная лексика в семанте (*муръ, кгрунтъ, змуравати, шкода*). Кроме того, в тексте употребляются грамматические полонизмы: союз *ижъ* (наряду со старобелорусским союзом *штожъ*), форма опатива *абыхмо казали* при глаголе в форме 2-го лица множественного числа (*абы рачили, бы рачили*), дистантное препозитивное расположение местоимения *ся* (*А мы въ томъ сподручницы ся вашей милости даемъ*)⁴⁶ (чередование в основе также может возникать под влиянием среднепольского языка. – О. З.)).

В более поздних окружных посланиях, также имеющих в основе старобелорусский язык, полонизмы проникают в формулы приветствия и прощания, хотя вне зависимости от того, какой язык лежит в основе текста, формулы приветствия всех десяти посланий вербализуются с опорой на ресурсы церковнославянского языка. Наиболее полонизированными оказываются окружные послания униатских митрополитов Ипатия Потей и Иосифа Рутского, что предсказуемо с учетом более позднего времени их создания. Только в послании митрополита Иосифа Рутского 1634 г. представлены неадаптированные вкрапления латинского языка: *Breve Apostolicum, Febus hectica*⁴⁷. Они представляют собой единственные элементы макаронической речи в проанализированном корпусе, отражающие в том числе латинизацию церковно-религиозных коммуникаций (сравним с призывом перевести письмо, содержащимся в том же послании: *а въ Вилне въ монастыру светое Троицы з пилностью вшелякою по латине абы предложено*)⁴⁸.

В трех окружных посланиях⁴⁹ наблюдается сильное церковнославянское влияние. Тип письменного языка, отраженный в них, можно назвать гибридным языком (церковнославянско-старобелорусским) со значительным последовательным и разноуровневым преобладанием церковнославянских средств во всех структурных частях текста, включая изложение информации в семанте. Для сравнения: старорусские окружные послания XVI–XVII вв. фиксируют или старорусский деловой тип письменного языка с инфильтрацией книжных элементов в устойчивых частях текста, или гибридный тип языка, а старорусские послания XV в. – только гибридный тип и стандартный церковнославянский язык. Предполагаем, что авторы давали себе установку писать по-церковнославянски (практики коммуникаций на церковнославянском языке описаны в работе [25, с. 395], но использование стандартного церковнославянского языка в эпистолярном общении ВКЛ конца XVI в. было уже невозможно. В посланиях встречаются и восточнославянские маркированные средства, однако использование церковнославянского языка в них имеет принципиальный, эмблематический характер.

Два обращения митрополита Михаила Рагозы к духовенству и мирянам содержат призыв помочь львовскому братству в восстановлении церкви, строительстве типографии и школы. В этих посланиях употребляются только лексические полонизмы⁵⁰. Послание Константина Острожского – это публицистический манифест в поддержку православного духовенства. Выбор церковнославянского языка в нем также идейно обусловлен. Семантика открывается высказыванием, типичным для учительной литературы: *Понеже отъ преименитыхъ благочестивыхъ своихъ родителей зъ младости моя въ наказаніи истинныя вѣры въспитанъ быхъ...*⁵¹. Далее следует текст на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке. Автор послания демонстрирует прекрасное владение церковнославянским языком. В тексте присутствуют маркированные лексико-фразеологические

⁴⁵Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Окружное послание униатского митрополита Велямина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 65, 67.

⁴⁸Там же. С. 70.

⁴⁹Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329; Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Ibid. P. 329; Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 99–104.

⁵⁰Среди писем и документов Михаила Рагозы есть и другие тексты, написанные на гибридном языке с преобладанием церковнославянских элементов, т. е. функционирование церковнославянского языка не ограничивалось для него только окружными посланиями (Monumenta, № 169, р. 267–269; Monumenta, № 210, р. 326–327; Monumenta, № 294, р. 484–485 и др.).

⁵¹Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

и грамматические полонизмы, однако их значительно меньше по сравнению не только с церковнославянскими, но и с восточнославянскими средствами. Они фактически сконцентрированы в той части семантемы, где адресант объясняет, почему решился на обращение к единомышленникам: *А ижъ множайшии отъ обывателей здѣшней области панства наяснѣйшого короля, пана нашего милостивого, зваща правовѣрные хрестіане... мене нѣкакъ въ здѣшнемъ краю за начальника въ православію быти менятъ, хотяжъ самъ себе не боляго, но кождому въ правовѣрїи стоящему ровного быти розумѣть...*⁵². Иные полонизмы имеют характер отдельных вкраплений в пространственный славянизированный текст.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Проанализированные старобелорусские официальные обращения к широкому адресату церковных иерархов пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Uniata* XVI–XVII вв., называемые сегодня окружными посланиями или окружными грамотами (различие обозначений не отражает различия интенций и формуляра текстов), не маркировались их составителями специальными жанровыми обозначениями. В текстах используется название *листъ*. Такая же ситуация наблюдается в предшествующей древнерусской и развивающейся параллельно после разделения митрополий старорусской традициях: окружные послания имели названия *грамота*, в сборниках образцовых посланий указывались заголовки *послание* или даже *поучение*. Вариативность жанровых обозначений (как в самих текстах, так и в заголовках публикаций) – это частное проявление, возникшее вследствие синкретичности дискурсов Средневековья и раннего Нового времени.

2. В старобелорусских окружных посланиях выражались разные интенции: призыв (вплоть до агитации), убеждение, информирование (служебно-делового и повествовательно-дидактического характера). Однако различие интенций не влияет на содержательную структуру: формуляр представлен минимальным составом смысловых блоков (указание коммуникантов, приветствие, прощание-благословение, указание даты и места). Такая структура стабильно сохраняется на протяжении почти столетия (это же свойство присуще старорусским окружным посланиям). Послания дают сведения о способах вербализации элементов экстратекста «подпись автора» и «указание писца». Единично в разных письмах реализуются смысловые блоки, характерные только для эпистолярного текста.

3. Большинство текстовых формул в содержательном отношении сохраняются с древнерусского периода, но они преобразуются под влиянием полонизации письменных коммуникаций, в том числе в среде православного духовенства. Появляются новые этикетные лексемы и выражения-кальки.

4. Взаимодействие дискурсов проявляется в сочетании структурно-композиционных элементов текста, лексики и фразеологии, характерных для деловых служебных писем, с теми же элементами, лексикой, фразеологией и риторикой, характерными для духовных учительных посланий. Это свойство характерно для любых официальных коммуникаций в церковно-религиозной сфере. Одно окружное послание имеет зачин и начало семантемы, характерные для митрополичьего информирующего или распорядительного документа, но интенциями его выступают просьба и поучение, а заключительная часть является типичной для эпистолярных писем лиц духовного звания.

5. Окружные послания православных иерархов ВКЛ оставались к XVI в. тем редким жанром, в котором церковнославянский язык продолжал функционировать как средство коммуникации. Только в трех текстах из десяти, в том числе в агитационном послании светского лица, представлен гибридный церковнославяно-старобелорусский тип письменного языка с выраженным преобладанием книжного церковнославянского начала. Остальные тексты написаны на старобелорусском языке, отражающем разную степень среднепольского влияния и имеющем различную, но не доминирующую представленность церковнославянизмов. Только послание митрополита Иосифа Рутского 1634 г., наиболее полонизированное и самое позднее по времени написания, содержит образцы макаронической речи с вкраплением неадаптированных латинизмов.

Сокращения

Monumenta – Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600. Т. 1 / ed. W. Milkowicz. Leopoli : Ex typografia Inst. Stauropigiani, 1895. 496 p. ; **ААЭ** – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской

⁵²Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1836 ; **АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853 ; **АИ** – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1841–1842 ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / пад рэд. А. М. Булыкі, А. І. Жураўскага. Мінск : Беларус. навука, 1982–2017 ; **Даниил** – Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М. : Индрик, 2020. 848 с. ; **РИБ-6** – Русская историческая библиотека : в 39 т. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1880. IV стб., XX стб., 930 стб., 316 стб., 70 стб. ; **РФА** – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М. : Языки славян. культур, 2008. 552 с. ; **СлДрЯ XI–XIV** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 13 т. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Рус. язык, 1988–2023. ; **СлРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 32 вып. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, 1975–2023.

Библиографические ссылки

1. Гиппиус АА. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. В: Янин ВЛ, Зализняк АА, Гиппиус АА. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Москва: Русские словари; 2004. с. 183–232.
2. Gippius A. Birchbark literacy and the rise of written communication in early Rus'. In: Zilmer K, Jesch J, editors. *Epigraphic literacy and Christian identity: modes of written discourse in the newly Christian European north*. Turnhout: Brepols Publishers; 2012. p. 225–251
3. Зализняк АА. Текстовая структура древнерусских писем на бересте. В: Цивьян ТВ, редактор. *Исследования по структуре текста*. Москва: Наука; 1987. с. 147–182.
4. Иорданиди СИ. К истории начальной формулы грамот *се азъ...* в древнерусском языке. В: Ефимова ВС, редактор. *Славянское и балканское языкознание. Выпуск 17, Палеославистика-2*. Москва: Институт славяноведения; 2019. с. 151–167. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.7.
5. Климович ОА. *Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2015. 163 с.
6. Климович ОА. *Стиль витебских деловых текстов XIV–XVII веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2025. 179 с.
7. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliaras Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.
8. Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020;80(2):14–22. DOI: 10.25986/IRI.2020.80.2.002.
9. Сметанин ВА. Эпистолология поздней Византии. Проэлевсис (конкретно-историческая часть). В: Сюзюмов МЯ, редактор. *Античная древность и средние века. Выпуск 15*. Свердловск: Уральский государственный университет имени А. М. Горького; 1978. с. 60–82.
10. Жураўскі АІ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: да 100-годдзя з дня нараджэння вучонага*. Мінск: Беларуская навука; 2024. 295 с.
11. Журавский АИ. О разграничении белорусских и церковнославянских памятников. В: Орлова ВГ, Коннова ВФ, редакторы. *Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. Москва: Наука; 1972. с. 95–101.
12. Жураўскі АІ, Крамко П. *Характар знашніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання*. Мінск: Навука і тэхніка; 1973. 40 с.
13. Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: Индрик; 2014. 224 с.
14. Клімаў ІП. Маўленчая аснова і сацыяльная база супольнай кніжна-пісьмовай мовы беларусаў і ўкраінцаў даўніх часоў. *Studia Białorusinistyczne*. 2016;10:211–234. DOI: 10.17951/sb.2016.10.211.
15. Рудэнка А. Уплыў польскай мовы на раннія ўсходнеславянскія граматы Вялікага Княства Літоўскага. *Acta Albaruthenica*. 2021;21:135–150. DOI: 10.32612/uw.18988091.2021.21.pp.135-150.
16. Свістунова М. Віды паланізмаў і іх адаптацыя ў старабеларускай мове (на прыкладзе Спісання супраць лютараў у складзе Супрасльскага зборніка канца XVI ст.). W: Citko L, redaktor. *Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną*. Białystok: Prymat; 2018. s. 251–275.
17. Шакун ЛМ. Значэнне царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы. У: Гілевіч НС, рэдактар. *Даследаванні па беларускай і рускай мовах*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна; 1958. с. 5–21.
18. Жураўскі АІ. Да пытання аб асноўных тыпах старажытнай беларускай літаратурнай мовы. *Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР*. 1961;8:106–116.
19. Клімаў ІП. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV–XVIII стст. *Беларускі археографічны штогоднік*. 2010;11:157–170.
20. Клімаў ІП. Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў і літаратур у Вялікім Княстве Літоўскім. У: Лукашанец АА, рэдактар. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. Зборнік дакладаў беларускай дэлегацыі на XV Міжнародным з'ездзе славістаў; 20–27 жніўня 2013 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларуская навука; 2013. с. 53–72.
21. Клімаў ІП. Да тэорыі кніжна-пісьмовай мовы феадальнай эпохі: бінарная мадэль vs трынарная мадэль. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2014;3:12–16.
22. Мечковская НБ. *Язык и религия*. Москва: Агентство «ФАИР»; 1998. 352 с.
23. Темчин СЮ. Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия. В: Доронин АВ, редактор. *Религия и русь, XV–XVIII вв.* Москва: РОССПЭН; 2020. с. 93–106.
24. Толстой НИ. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука; 1988. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI – XVII в.). с. 52–87.
25. Успенский БА. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва: Аспект Пресс; 2002. 558 с.

26. Camargo M. *Ars dictaminis – Ars dictandi*. Turnhout: Brepols; 1991. 61 p.
27. Иерей Хотеев А. Жизнь и деятельность митрополита Михаила Рагозы. У: Чарота ІА, Кулажанка ЛЯ, рэдактары. *Верныя веры бацькоў. Зборнік матэрыялаў Міжнароднай царкоўна-навуковай канферэнцыі, прысвечанай 400-годдзю спачыну святой праваслаўнай Сафіі Слуцкай і 400-годдзю заснавання Свята-Петра-Паўлаўскага сабора ў Мінску; 3 мая 2012 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора; 2013. с. 158–168.
28. Пазднякоў ВС. Канцылярыя і архіў мітрапаліта Міхаіла Рагозы. В: Коваленя АА, рэдактар. *Хрыціянства в Беларусі: історыя і сучаснасць*. Мінск: Беларуская навука; 2014. с. 99–104.
29. Заторський Н. «Послання Мисаїла до папи Сикста IV» 1476 року: реконструкція архетипу. Львів: Український католицький університет; 2018. 588 с.
30. Геращенко ОМ. Польські впливи в руських грамотах XIV–XVII ст. *Slavia Occidentalis. Linguistica*. 2024;81(1):23–52. DOI: 10.14746/so.2024.81.3.
31. Живов ВМ. *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: Языки славянской культуры; 1996. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования. с. 31–41.

Статья поступила в редколлегию 22.01.2026.
Received by editorial board 22.01.2026.